

## ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ТИПОЛОГИИ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Кандидат архитектуры С. С. МНАЦАКАНЯН

Традиции возведения мемориальных памятников на территории Армянского нагорья уходят своими корнями в начальные этапы формирования строительного искусства древневосточных цивилизаций. В облике символично-мемориальных мегалитов древней Армении прослеживаются черты, присущие многим хронологически синхронным и функционально одностипным памятным знакам архитектурной «предыстории» Евразии. Эта ветвь материальной культуры отличалась большим консерватизмом, — впоследствии резкое видоизменение культовых основ общества, связанное с появлением на исторической арене христианства<sup>1</sup>, не привело к заметной, принципиальной эволюции меморативной обрядовости<sup>2</sup>; об этом свидетельствуют результаты исследования многих памятников<sup>3</sup>. Значительна роль мемориальной пластики в скульптуре Армении IV—XVII вв.<sup>4</sup>

Многочисленные проблемы мемориального искусства Армении нуждаются в комплексном изучении; оно должно быть предварено типологическим анализом, который позволит уточнить генезис целого ряда архитектурных и иконографических типов, а также будет способствовать определению масштаба и специфики последующих работ. Это и является целью данного исследования<sup>5</sup>.

При научной систематизации памятников отдельной ветви материальной культуры равнозначны как хронологические, так и типологические аспекты. Наши хронологические рамки общеприняты и достоверно определены<sup>6</sup>; типологию мы анализируем, группируя все сооружения по двум исходным, основным группам, определяющим их объемное решение:

1. *Памятники без внутреннего пространства* (символические строения и вертикальные памятные знаки древней Армении; стелы Ванского царства и арташесидского периода; палеоскульптурные меморативные изваяния; «малые формы» мемориальной архитектуры — стелы, отдельно стоящие памятные колонны, объемные кресты периода распространения христианства; некоторые модели храмов; символические погребения — кенотфы). В продолжении этого исследования, где будут рассматриваться памятники Армении развитого и позднего средневековья, в это звено типологии войдут хачкары («крест-камни») —

наиболее распространенные мемориальные памятники Армении IX—XVIII вв.

2. *Памятники с внутренним пространством* (древнейшие склепы; сводчатые сооружения; центричные, ярусные, башнеобразные памятники; балдахины и ротонды мемориального характера; родовые мавзолеи; поминальные церкви). В это звено типологии входят широко известные в архитектуре Армении мемориальные сооружения — гавиты развитого средневековья (своеобразные родовые усыпальницы, одновременно, вероятно, выполнявшие функции некоторых гражданских сооружений). Они будут рассмотрены в продолжении данной статьи.

Это структурно-схемное деление, предваряющее, но не подменяющее детальную функционально-ориентированную типологическую классификацию, принято в архитектуроведении (хотя к армянским памятникам применяется впервые). Разбирая — в указанной последовательности — сооружения каждой из этих основных групп, мы следуем принципам общей хронологии (это, за некоторыми исключениями, относится и к замечкам о генезисе памятников средних веков).

#### А. МЕМОРИАЛЬНЫЕ СТРОЕНИЯ И СИМВОЛЫ ДРЕВНЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

На территории Армянского нагорья известен ряд типов мегалитических сооружений, функции которых связаны с теми или иными проявлениями культа предков. Историко-культурные и археологические разыскания дают основание включить их в общую систему типологической классификации. Вообще строения древнейшего времени, «...если иметь в виду их историческую взаимосвязь с более поздними сооружениями, то менгир — это надгробный памятник или монумент, подобный по своей идее мемориальной вотивной колонне, дольмен — это склеп, простейшая гробница, или саркофаг, а кромлех в Стоухедже — это уже храм, хотя и весьма примитивный»<sup>7</sup>. Эти строения семантически связаны с мемориальными традициями (а следовательно, и с отражением их в строительной традиции, т. е. с реальными памятниками) последующего времени; это говорит о правомерности стремления объединить в рамках единой типологии (исходя прежде всего из функционального значения и учитывая постепенное усложнение как символики, так и архитектурных решений) мемориальные сооружения, издавна известные на территории Армении.

1. *Памятники без внутреннего пространства*. Древнейшие символы меморативного характера, менгиры, известны в ряде районов Армении, в частности близ с. Аруч (Аштаракский р-н) и на юге республики, в Хошун-Даше<sup>8</sup>. Последними разысканиями археологов в Шамираме (Эчмиадзинский р-н) выявлены весьма своеобразные строения-мемориалы, в частности кромлехи, на плитах которых вырезаны рельефные изображения символического характера<sup>9</sup>. Там же обнаружены произве-

дения древнейшей мемориальной пластики, устанавливавшиеся на захоронениях. Памятники датированы временем с XI по IX вв. до н. э.<sup>10</sup>

Исключительным своеобразием отличается монументальное сооружение на «холме пепла» — Мохраблуре, открытое раскопками 1971—1972 гг. и датируемое первой половиной III тыс. до н. э.<sup>11</sup> Пережившая ряд этапов строительной деятельности прямоугольная платформа высотой 4,5 м, по сторонам которой были вертикально установлены небольшие каменные стелы, имела на вершине базальтовый монолит грубой тески<sup>12</sup>. Специфика архитектурного решения дает нам основания выдвинуть не отрицающую, — для этого нет достаточных оснований, — но параллельную существующей<sup>13</sup> версию его функционального назначения. Вполне возможно (а если учесть, что на территории Армении известны древнейшие мемориальные ансамбли с вертикальным знаком-символом, окруженным кольцом стел, — то и вероятно), что базальтовый монолит был установлен на платформе вертикально (а не горизонтально) и вложен своим расширенным, необработанным концом в основание или кладку посреди площадки, действительно окруженной, как установлено мохраблурскими раскопками, кольцом стел<sup>14</sup>. Тем самым налицо отмечаемое и авторами первого исследования памятника его существенно важное отличие от известных культовых (!) строений Передней Азии, как правило, характерных «замкнутым» ведением религиозных церемоний<sup>15</sup>. Если ориентироваться на связанное с поминальными обрядами мохраблурской общины (т. е. предполагаемое нами меморативное) функциональное назначение увенчанной вертикально установленным базальтовым монолитом-«обелиском» платформы, то это отличие будет соответствовать типологическому различию «моленных» и памятных сооружений — различию, четко прослеживаемому на всем протяжении развития архитектурной культуры Армении<sup>16</sup>.

К доурартским памятным символам относятся также вишапы-изваяния, о происхождении которых был высказан ряд мнений<sup>17</sup>. Именно о вишапах говорил Н. Я. Марр как о памятниках, явившихся источником формирования последующих пространственных форм «малой» мемориальной архитектуры<sup>18</sup>. В это же звено типологии мы включаем древнейшие антропоморфные изображения, определенная часть которых, несомненно, имела мемориальный характер<sup>19</sup>. Здесь символика вертикального памятного знака дополнена палеоскульптурным изображением (Шамирам)<sup>20</sup>. Пример шамирамских памятных знаков говорит о необходимости типологического разграничения функций произведений древнейшего камнерезного искусства, обнаруженных на территории Армении. Именуемые, как правило, «идолами», эти памятники, как можно полагать, не все были культовыми: некоторая их часть должна была иметь характер поминальных статуй.

2. *Памятники с внутренним пространством.* Доурартские мемориальные помещения, известные по данным археологических разысканий, представляют собой типы, известные в материальной культуре многих стран древнего мира. Это памятники курганного характера<sup>21</sup>, с боль-

шими подземными камерами (Лчашен)<sup>22</sup>, перекрытыми ложными сводами, с погребальным инвентарем — повозками и т. п.<sup>23</sup> Кроме того, это дольменоподобные «дома огузов»<sup>24</sup> — весьма своеобразные памятники Ошакана<sup>25</sup>. Аналогичные сооружения есть и в Хошун-Даше.

#### Б. ПАМЯТНИКИ УРАРТУ

Когда говорится о многофункциональности символично-мемориальных сооружений, пример памятников Ванского царства можно считать одним из наиболее показательных. Ведь стелы Урарту не имели погребальных функций; тем не менее то, что они были приспособлены для клинописных текстов, официально-релятивное, а следовательно, и памятное значение которых установлено<sup>26</sup>, дает все основания включить их в схему функциональной типологии мемориальных сооружений.

1. *Памятники без внутреннего пространства.* Высокие, призмовидные стелы Урарту хорошо известны<sup>27</sup>. Необходимо отметить, что конструктивное решение их «крепежного» узла («зуб» в нижнем сечении, соединяющий стелу с основанием) красной нитью проходит сквозь много веков; оно характерно как для мемориальных стел принявшей христианство Армении IV—VII вв., так и для хачкаров IX—XVIII вв.<sup>28</sup> О том, что в Урарту существовали традиции почитания стел (хронологически, а в определенном значении и генетически предшествующих появившимся много веков спустя аналогичным традициям принявших христианство Армении и Грузии), можно судить по изображению, опубликованному еще Леман-Гауптом<sup>29</sup>. Памятник такого же типа известен из раскопок Алтын-тепе<sup>30</sup>.

2. *Памятники с внутренним пространством.* Урартские гробницы весьма своеобразны. Открытые учеными в Ване пещерные помещения имеют сообщающиеся камеры, где было предусмотрено захоронение в саркофагах<sup>31</sup>. Некоторые отсеки Большой пещеры, а также пещер «Ичкала» и «Нафт-кую» имели меморативное назначение<sup>32</sup>. Архитектурное решение подземных склепов перекликалось с традициями монументальной строительной культуры (явление, широко распространенное впоследствии; так же перекликаются структурные особенности подземных крестообразных склепов Ани IV в. и надземных крестообразных мемориалов): об этом можно судить по имитирующим свод потолка ряда гробниц<sup>33</sup>. К числу урартских склепов относятся памятники, открытые раскопками в Алтын-тепе, — прямоугольные в плане, с нишами в стенах<sup>34</sup>. К типу подземных урартских гробниц примыкает своим плановым решением двухкамерное сооружение в Гямрезе<sup>35</sup>. Оно имело каменный саркофаг, а в продольных стенах — ниши.

Не исключено, что одна из функций сооружавшихся архитекторами Урарту вертикальных башен была связана с мемориальными традициями<sup>36</sup>. Взаимосвязь традиций возведения башен Урарту и Ахеменидского Ирана отмечали Р. Д. Барнетт<sup>37</sup>, Р. Гиршман<sup>38</sup>, Г. А. Тира-

цян<sup>39</sup>. Если же учитывать функции ахеменидских башен<sup>40</sup>, весьма вероятно, связанных с обрядом поминовения, то можно предположить, что некоторые урартские башенные сооружения, аналогичные по своей схеме, также имели мемориальное назначение.

#### В. СООРУЖЕНИЯ РАННЕАРМЯНСКОГО ПЕРИОДА (VI—IV вв. до н. э.)

Памятники раннеармянского периода, функционально связываемые с мемориальными традициями, в основном известны по данным археологических раскопок. В этих послеурартских строениях наблюдаются некоторые доурартские и урартские традиции символики и строительного искусства.

1. *Памятники без внутреннего пространства.* В это звено типологии мы включаем некоторые палеоскульптурные памятники, обнаруженные раскопками последних лет; это мемориальные «идолы» Шаваршявана, Кармир-берда, Кармир-блур, Айгестана, воздвигнутые над погребениями<sup>41</sup>. Некоторые скульптурные изображения этого времени, как указал Б. Н. Аракелян, могли быть «идолами предков»<sup>42</sup>. Сюда же, по нашему мнению, следует отнести некогда стоявшую во весь рост скульптуру из села близ Цовагюха<sup>43</sup>. Палеоскульптурные изваяния мемориального характера были найдены также в Двине<sup>44</sup>.

2. *Памятники с внутренним пространством.* К раннеармянскому времени относятся некоторые башнеобразные мемориальные сооружения—«Ардар Давид», «Ойюг» и пр., связанные с погребениями знати<sup>45</sup>. Башня «Ойюг» близ с. Ахавнатун (Эчмиадзинский р-н), выложенная циклопической безрастворной кладкой, оставляет глубокое впечатление: круглое в плане сооружение сохранилось на высоту около 7 м (диаметр 8,4 м). Памятник стоит на небольшом холме<sup>46</sup>.

Генезис символики ярусных и башнеобразных мавзолеев Армении перекрестно связан как с древнейшими преданиями обширного региона Малой Азии, Закавказья, Ближнего и Среднего Востока, так и с переосмыслением привнесенных традиций эллинского искусства<sup>47</sup>. В качестве примера приведем несомненную взаимосвязь специфических деталей «культа памяти» с архитектурным решением башенных погребальных сооружений Армении<sup>48</sup>. Приблизительно тем же временем датированы мемориальные памятники малоазийских государств — Фригии, Ликии, Пафлагонии,— в которых своеобразие примененных мастерами решений, несомненно, обуславливалось особенностями региональных культов<sup>49</sup>. Армянское предание об «аралезах», скорее всего имевшее прототипы в более ранних восточных легендариях, явилось, как можно предполагать, одним из нескольких источников формирования принципиальной схемы башенных мемориальных композиций со «сквозным» (бзлдахинообразным, ротондальным, сводчатым, арочным) завершением<sup>50</sup>. Наиболее ранний из известных нам на территории Армении памятников, где отражен тип «сквозного» завершения двухъярусного

сооружения, можно представить на примере уникальной глиняной модели двухъярусного «храма» из раскопок циклопической крепости Астхи-блур раннеармянского времени<sup>51</sup>. Если учесть, что предание об «аралезах», формирование которого, как можно полагать, произошло в этот же исторический период, бытовало в Армении на протяжении многих веков<sup>52</sup>, — вполне вероятно его трансформирующее воздействие на архитектуру ярусных мемориалов с целью применения «сквозного» навершия (широко распространенного в мемориальной архитектуре средневековой Армении)<sup>53</sup>. Это обстоятельство не противоречило, а наоборот, способствовало распространению в строительной традиции страны типов балдахинообразных и ротондальных сооружений, генетически восходивших к видоизменению форм традиционного народного жилища Закавказья (глхатун—дарбази—карадам) и к мемориальной архитектуре античного мира и Ирана.

#### Г. ПАМЯТНИКИ АРМЕНИИ III в. до н. э. — III в. н. э.

В облике немногих дошедших до нашего времени произведений искусства Армении данного периода, известных специалистам, явно прослеживаются элементы, связывающие их происхождение с проникновением культуры античного мира<sup>54</sup> и Ирана<sup>55</sup>. Наряду с этим имевшее глубокие местные традиции искусство мастеров-камнерезов и ваятелей, произведения которых также датируются этим временем, соседствовало и порою соперничало с импортируемым кругом изделий. Как вертикальные памятные знаки и скульптурные изваяния, так и произведения мемориального зодчества Армении тех лет несут на себе печать симбиоза культур Востока и Запада, столь характерного для материальной культуры этой эпохи.

1. *Памятники без внутреннего пространства.* Арташесидские стелы с троечастным навершием достаточно известны<sup>56</sup>. Но в основном предметом изучения стали их арамейские надписи<sup>57</sup>, публикация которых продолжается<sup>58</sup>. Однако в контексте нашего исследования большей интерес представляет происхождение их объемно-пространственной композиции, связанной с древнейшей символикой троечастия<sup>59</sup>. То обстоятельство, что стелы Арташеса I, не являющиеся погребальными символами, все же включены нами в предлагаемый вариант архитектурной типологии мемориальных произведений, объясняется как официально-памятным содержанием имеющих на них надписей (ради которых, собственно, и ставились эти знаки), так и архитектурной формой этих памятников, генетически связанной с обликом меморативных символов древневосточных цивилизаций (в том числе с решением стел Урарту).

Кроме знаков-стел арташесидского времени, в Армении воздвигались, по сообщению Хоренаци, «идолы предков» — по всей видимости, мемориальные статуи или стелы<sup>60</sup>, почитавшиеся наравне с изваяниями богов<sup>61</sup>. Отметим, что ввиду этого обстоятельства они могут — по ана-

тогии с «династийным» искусством эллинистической Бактрии<sup>62</sup> — считаться проявлением «династийного» искусства древней Армении, тем более что почитание предков уходит корнями в глубь веков армянской истории<sup>63</sup>. Семантически рельефы предков, несомненно, связаны с «династийным» искусством Востока<sup>64</sup>, — при всем своем параллелизме с античной традицией пластики<sup>65</sup>. В оригинале эти памятники именуются «ардзанами»; возникает вопрос: все ли они были произведениями круглой пластики?<sup>66</sup> Если учесть аналогии с Коммагеной<sup>67</sup>, следует признать вполне возможным и существование мемориальных стел.

Есть основания полагать, что в Армении того времени был хорошо известен тип отдельно стоящей на ступенчатом стилобате памятной колонны (в зависимости от конкретных обстоятельств воздвижения имевшей меморативный, памятно-моленный либо триумфальный характер)<sup>68</sup>.

2. *Памятники с внутренним пространством.* Раскопками 1970 г. в Сисиане был открыт каменный склеп, перекрытый «ложным сводом»<sup>69</sup>. Как уже отмечалось, его архитектурный облик можно реконструировать в нескольких вариантах<sup>70</sup>. В данном случае важно другое — то, что издавна применявшийся в мемориальном зодчестве принцип перекрытия гробницы «ложным сводом» был известен на территории Армении достаточно хорошо, а не был импортирован извне.

Большим своеобразием отличается башнеобразная усыпальница Паракара I в. до н. э.<sup>71</sup> К тому времени обычаи возведения вертикальных памятных знаков монументального характера, и в особенности башенных мавзолеев знати, бытовали во многих странах прилегающего региона<sup>72</sup>. То обстоятельство, что они нашли отражение в формирующейся на рубеже III—IV вв. новой архитектурной культуре Армении, регламентированной христианскими догматами, говорит о глубокой традиционности меморативной символики. Башнеобразные мартирииумы дев-Рипсимид з Армении (начало IV в.), первые архитектурные сооружения, возведенные в стране после распространения христианства, в композиционном отношении унаследовали строение башенных мавзолеев позднеантичного мира<sup>73</sup>.

Первыми веками н. э. датируется загадочное «сооружение о 4-х пилонах», открытое раскопками Н. Я. Марра в Ани, близ церкви Апостолов<sup>74</sup>, впоследствии (после принятия христианства) перестроенное в часовню типа тетраконха<sup>75</sup>. Композиционно памятник связан с мемориальными балдахинами позднеантичного мира<sup>76</sup> и с иранскими храмами огня — чортаками<sup>77</sup>. Свообразие его перекрытия позволяет заключить, что здесь налицо один из этапов формообразования «купола на квадрате» — схемы, сыгравшей определяющую роль в генезисе центричных композиций. Наше определение «сооружения о 4-х пилонах» в Ани как мемориального балдахина (прямо перекликающегося с аналогичным по своей структуре «Черемским квадратом» в Грузии<sup>78</sup>) влечет за собой необходимость выявления дальнейшей судьбы его своеобразного архитектурного решения, тесно связанного (как композиционно,

так и в своей символике) с возникновением в мемориальной архитектуре последующего времени ротондальных структур (отметим рогонду-навершие «рва» Хор-Вирапа, известную по описанию аль-Муккадаси, и ротондальные главы церквей-усыпальниц и гавитов Армении развитого средневековья)<sup>79</sup>.

(Окончание следует)

#### ПРИМЕЧАНИЯ

1 Б. Н. Аракелян, Очерки по истории искусства древней Армении, Ереван, 1976, стр. 13.

2 С. С. Мнацаканян, Мемориальная архитектура раннесредневековой Армении (автореферат канд. дисс.), М., 1978, стр. 6.

3 Н. М. Токарский, Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1961, стр. 73; С. С. Мнацаканян, Мемориальная символика в искусстве и архитектуре средневековой Армении, «Труды II Международного симпозиума по армянскому искусству», Ереван, 1978, стр. 3, 4.

4 Л. А. Дурново, Очерки изобразительного искусства средневековой Армении, М., 1979, стр. 25—28; С. С. Мнацаканян, Рельефные изображения и символика Даниила в мемориальной пластике Армении раннего средневековья, «Вестник АН АрмССР (общ. науки)», 1977, № 6, стр. 48.

5 В предлагаемом нами опыте составления архитектурной типологии мемориальных памятников Армении отсутствуют могилы — т. е. археологические объекты, большей частью интересные своим инвентарем. Вообще архитектурная типология, во всех своих видах, по-разному определяется в трудах специалистов как в СССР, так и за рубежом. Ввиду различий в исходных позициях неизбежны расхождения получаемых научных результатов. В частности, см.: R. Krauthheimer, Early Christian and Byzantine Architecture, Harmondsworth, 1965; В. В. Беридзе, Грузинская культовая архитектура IV—VII веков, «Труды II Международного симпозиума по грузинскому искусству», Тбилиси, 1977; Д. М. Туманишвили, К типологии восточно-христианской архитектуры, там же; Л. С. Бретаницкий, Проблемы типологизации архитектурного наследия Переднего Востока, в сб. «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен», М., 1979, стр. 22—23; С. А. Манлов, Вопросы типологизации архитектурных форм средневекового зодчества стран Закавказья, «Тезисы IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении», Ереван, 1979.

6 Принятые нами хронологические рамки и нормы периодизации используются как в обобщающих изданиях обзорного и энциклопедического характера последних лет, так и в подавляющем большинстве монографий, посвященных искусству и архитектуре Армении.

7 «Всеобщая история архитектуры в 12-ти томах», т. 1, М., 1970, стр. 35.

8 Մ. Բաբինսկի շին, Խորհրդային Հայաստանի նյութական կուլտուրայի զուգարձանները, Երևան, 1935, стр. 23.

9 Գ. Ե. Արեշյան, Շամիրսմի հուշարձանախմբի 1975—76 թթ. ուսումնասիրության նախնական արդյունքները, «Ճարտարական հանգրվանի թեզիսներ», Երևան, 1976:

10 Г. Е. Арешян, С. С. Акопян, Архитектура погребальных сооружений главного некрополя Шамирама, «Тезисы III Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении», Ереван, 1977, стр. 98—99.

11 Г. Е. Арешян, К. К. Кафадарян, Рождение монументальной архитектуры на территории Армении (первая половина III тыс. до н. э.), в сб. «Памятники культуры. Новые открытия. 1974», М., 1975, стр. 397.

12 Длина монолита 3,9 м, ширина 0,7—1,0 м. Он уложен с севера на юг—при том, что постройка точно ориентирована с востока на запад. См. там же, стр. 398.

13 Высказано мнение о том, что мохраблурское сооружение было храмом, а венчавший его монолит—алтарем: «Несомненно одно: основными структурными элементами храма являлись монументальная платформа и огромный алтарь на ее вершине. Стелы у основания, намечающиеся пристройки и т. д. являются второстепенными компонентами». См. там же, стр. 400.

14 Мы считаем, что этим можно объяснить непонятное на первый взгляд сочетание обработанной поверхности базальтового монолита и бесформенного, необработанного расширения его нижней части. Подобное сочетание вполне естественно в том случае, когда это расширение—основание монолита—было скрыто от глаз, будучи вложенным в узел крепления любой возможной конструкции, т. е. при вертикальном положении монолита, наподобие большой стелы или обелиска.

15 По мнению авторов первого исследования памятника, «...несомненно, что это («экстерьерное» решение, отличающее сооружение Мохраблур от культовых памятников Передней Азии,—С. М.) было рассчитано на широкий круг зрителей, наблюдавших за совершением обряда жертвоприношений». См. там же, стр. 402.

16 Необходимо, однако, отметить, что мы воздерживаемся от категорических суждений, так как мохраблурский памятник ответил пока далеко не на все вопросы; «...поскольку платформа откапывалась только по периметру, а на вершине ее расширен лишь базальтовый алтарь, неясно, имелось ли какое-либо, пусть плохо сохранившееся, помещение на вершине платформы возле алтаря. Все эти вопросы требуют тщательного уточнения путем дальнейших раскопок» — Г. Е. Арешян, К. К. Кафадарян, указ. соч., стр. 400. К этому добавим, что дальнейшее изучение может дать ценный материал и о функциях сооружения.

17 Н. Я. Марр, Я. И. Смирнов, Вишапы. Л., 1931, стр. 95; Л. М. Мелнксет-Беков, Вишапы и вишапонды Грузии, КСИИМК АН СССР, М.—Л., 1947, вып. XV, стр. 27; Б. Б. Пиотровский, Вишапы, каменные статуи в горах Армении, Л., 1939; Հ. Ի. Բ ր ւ շ ի յ ա ն, Պաշտամունքն ու հախախիթը ու բրոնզեդարձն Հայաստանում, Երևան, 1973, стр. 31; Г. А. Кананцян, О каменных стелах на горах Армении, Ереван, 1952 (то же в его сб. «Историко-лингвистические работы», т. 2, Ереван, 1975, стр. 317); Մ. Ա ր ւ ղ յ ա ն, «Վերջիններ» կոչված կոթողներն իբրև Առաքիճ-Պերկեսո գիգուհու արձաններ, Երևան, 1941; В. Б. Блэк, Мегалитические сооружения Кавказа и Закавказья, в сб. «История искусства народов СССР», т. 1, М., 1971, стр. 45.

18 Н. Я. Марр, Армянская культура, ее корни и доисторические связи по данным языкознания, в сб. «Об армянской литературе», Ереван, 1941, стр. 11.

19 К. Х. Кушнарeva, Древнейшие памятники Двина, Ереван, 1977, стр. 63.

20 Г. Е. Арешян, С. С. Акопян, указ. соч., стр. 98—99.

21 А. О. Мнацаканян, Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г., «Советская археология», 1957, № 2.

22 А. А. Мартirosян, Армения в эпоху бронзы и раннего железа, Ереван, 1964, стр. 96.

23 А. О. Мнацаканян, Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан, «Советская археология», 1960, № 2, стр. 139.

24 Թ. Բ ր ւ շ ի յ ա ն, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, ժող. 1, Երևան, 1942, стр. 4.

25 Мы условно называем их дольменоподобными, так как по своим абсолютным размерам (весьма значительным) и по общему объемно-пространственному решению они резко отличны от обычных дольменов Кавказа. Об этом, в частности, см.: В. И. Маркович, Дольмены западного Кавказа, М., 1978, стр. 291.

26 Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, М., 1959, стр. 83, 113.

27 И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, стр. 241.

28 С. С. Мнацаканян, Античные традиции в композиции мемориальных памятников раннесредневековой Армении, в сб. «Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока», М., 1978, стр. 158.

- 29 Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 228.
- 30 Tahsin Ozguc, Altintepe. II, Ankara, 1969, табл. XXVII.
- 31 А. Н. Казнаков, Пещера с тайниками в Ванской цитадели, «Известия Кавказского музея», XI, 1—2, 1917, стр. 28, табл. I и II.
- 32 Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 216.
- 33 Там же, стр. 218.
- 34 Tahsin Ozguc, указ. соч., табл. XIV—XV.
- 35 Памятник был открыт в 1938 г., во время строительных работ. Сообщение о нем опубликовал К. Г. Кафадарян. См.: Գ. Ղաֆադարյան, Հնագիտական աշխատանքներ Հայաստանում Սոցիալական կարգեր հաստատվելուց հետո, «Արևմտաօրիորդներ Հայաստանի պատմական թանգարանի», Երևան, 1938, հատ. 1, стр. 46.
- 36 К. Л. Оганесян, Архитектура Тейшебаини, Кармир Блур IV, Ереван, 1955, илл. 58 и 59; он же, Арин-Берд, Ереван, 1961, стр. 54; он же, Эребуни, Ереван, 1968, стр. 45.
- 37 R. D. Barnett, Persepolis I, «Iraq», XIX, 1957, стр. 74.
- 38 R. Ghirshman, Masjid-i-Soleiman, residence des premieres achemenides, «Syria», XXVII, b, 3—4, стр. 204.
- 39 Գ. Ա. Տիրացյան, Ուրարտական բաղադրարվեստի զարգացումը և Արեւմտյան Իրանը, «Историко-филологический журнал», 1964, № 2, стр. 149.
- 40 Д. Уилбер, Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей, М., 1977, стр. 60.
- 41 С. А. Есаян, Древняя культура племен Северо-восточной Армении (III—I тыс. до н. э.), Ереван, 1976, стр. 230.
- 42 Б. Н. Аракелян, Очерки..., стр. 17.
- 43 Там же, стр. 16.
- 44 Կ. Գ. Ղաֆադարյան, Հեթանոսական շրջանի դամբարաններ Դժինում, «Историко-филологический журнал», 1974, № 4, стр. 35.
- 45 Թ. Թորոմանյան, указ. соч., стр. 10.
- 46 Внутри башни «Ойюг» есть овальное в плане помещение, куда открывается небольшой вход. См.: Գ. Ա. Տիրացյան, Փարսիական աշտարակի և դամբարանի և նման հուշարձաններ Հայաստանում և Առաջագործ Արիւնում, «Вестник Ереванского университета», 1970, № 1, стр. 229.
- 47 Н. М. Никулина, О взаимосвязях древнегреческого и древневосточного искусства, в сб. «Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока», М., 1978, стр. 41.
- 48 Мовсес Хоренаци привел поэтичную легенду о борьбе и гибели легендарного правителя древней Армении Ара Прекрасного и царице Семирамиде, возложившей его тело на возвышение, с тем чтобы, согласно древнему преданию, псоглавые божества «аралезы» оживили его, вылизывая раны. Об этом предании см.: Г. А. Капанцян, Армянский Ара и славянский Яр (Ярило), «Историко-лингвистические работы», т. 2, стр. 243.
- 49 В частности, мы имеем в виду «монумент гарпий» в Ксанфе (Ликия). См.: H. Bousset, Alte-Anatolien, Berlin, 1942.
- 50 Символически возложение тел на крышу отражено во многих ритуалах, характерных для Востока: оно обязательным элементом вошло — хотя и в совершенно ином, противоположном вышеупомянутому значении — в древнеиранский культ дахмы. (Кстати, Н. Я. Марр не исключал возможности того, что раскопанное им в Ани, близ церкви Апостолов, загадочное «сооружение о 4-х пилонх» могло иметь характер дахмы. См.: Н. Я. Марр, Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, М.—Л., 1934, стр. 53. Архитектурное решение этого памятника см. ниже.) Символика верхнего яруса весьма показательна в башнеобразных мавзолеях Дура-Европос, где наверх вела специальная лестница. Понятие о воскрешении, характерное для христианства, уже было известно в мемориальных культах региона задолго до его возникновения; не удивительно, что эти традиции, переплавившись в тигле бурных событий IV в., явились, как мы полагаем, одним из региональных источников применения

«сквозного» наверху христианских усыпальниц Армении,— даже многие века спустя гавиты венчались ротондальным навершием. Если архитектурный образ этот был связан с зодчеством античного мира, то в его символике роль региональных корней неоспорима.

51 С. А. Есаян, Древняя культура..., стр. 44—47, 235, табл. 29. Архитектурное решение памятника, о котором мы можем судить по модели, весьма своеобразно: на круглом основании стоит двухъярусное сооружение с прямоугольными очертаниями, проемы первого и второго яруса довольно значительны по масштабу. Сооружение имеет двускатную кровлю второго яруса (аналогичное решение было известно на территории Армянского нагорья со времен Урарту — об этом можно судить по изображению храма в Мусасире).

52 См. толкующее функции «аралезов» примечание Н. Эмина в кн.: Моисей Хоренский, История Армении, М., 1858, стр. 52, прим. 57. Армянский историк V в. Фавстос Бузанд писал о гибели Мушега Мамиконяна, близкие которого «...не верили его смерти, хотя и видели голову, отрезанную от туловища... Другие же надеялись, что он воскреснет, и потому приставили голову к туловищу, пришили и поместили на кровле одной башни. Они говорили: «Так как (Мушег) был муж храбрый, то аралезы сойдут и воскресят его». Поставили стражу и ждали его воскресения, пока, наконец, разложился труп его. После того снесли его с той башни, оплакали и погребли, как надлежало». См.: История Армении Фавстоса Бузанда, кн. V, гл. XXXVI.

53 Имеем в виду прежде всего навершие мартириума Рипсиме. См.: А. Б. Еремян, Храм Рипсимэ, Ереван, 1955, илл. 15. Впоследствии ротондальное навершие стало обычным для ярусных усыпальниц и гавитов Армении.

54 Բ. Ն. Առաքելյան, Հայկական պատկերաբանագրություն IV—VII դարերում, Երևան, 1949, стр. 22.

55 Как отметил Б. Н. Аракелян, «...постоянное политическое давление Рима на Армению послужило одной из непосредственных причин отхода Армении от традиционной ориентации на запад и связей с миром эллинистической культуры и обусловило переход на сторону парфянской, то есть иранской, восточной политической ориентации» — Б. Н. Аракелян, Очерки..., стр. 69. Разумеется, ощутимая инфильтрация иранского культурного влияния наблюдалась в Армении задолго до того, как политическое соперничество Ирана и Рима стало исторической реальностью. О значении контактов зодчества (прежде всего—мемориального) Армении со строительной культурой Ирана в формировании «купола на квадрате» и центричных структур см. ниже.

56 А. Я. Борисов, Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении, «Вестник древней истории», 1946, № 2, стр. 98—102.

57 В настоящее время известно около десяти подобных стел с надписями: они служили межевыми знаками порубежного значения при Арташесе I (189—160 гг. до н. э.). Нас, однако, прежде всего интересует их конструктивное решение и семантика формобразования,— т. е. возникновение на базе уже известных схем, бытовавших в зодчестве региона (стелы Урарту); особенности «крепежного» узла, описанного Мовсесом Хоренаци (см. История Армении Моисея Хоренского, пер. Н. Эмина, М., 1893, стр. 104), весьма близкого аналогичному соединению урартских и раннесредневековых армянских стел; наконец — форма арташесидских стел как один из реально прослеживаемых (а не гипотетически выводимых по сведениям историков) источников формирования стел принявшей христианство Армении начала IV в.,— прежде всего мемориальных стел.

58 Գ. Ա. Տիրացյան, Արտաշես I-ի և ի նրա զորքի արձակած արձանագրություն, «Историко-филологический журнал», 1977, № 4, стр. 254.

59 Мы полагаем, что здесь присутствует элемент антропоморфизации, наподобие схемного решения каменных идолов Кармир-блур и целого ряда других антропоморфных в своем генезисе изображений. См.: К. Х. Кушнарева, Древнейшие памятники Двина, стр. 69.

60 Б. Н. Аракелян, Очерки..., стр. 18.

61 Явление, чрезвычайно типичное для меморативных культов многих стран и народов мира на ранней стадии развития верований.

62 J. M. Rosenfield, *The Dynastic Arts of the Kushans*, Berkley—Los Angeles, 1967; D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec, „Syria“, t. 37, 1960, стр. 131—164, 253—319.*

63 С. А. Есаян, *Древняя культура...*, стр. 230; Б. П. Аракелян, *Очерки...*, стр. 17. Термин «династийное искусство» нетипичен для разысканий по культурному наследию Армении; видимо, его применение (само по себе еще нуждающееся в детальном обосновании) следует ограничить временем до IV в.,— хотя некоторые произведения зодчества и монументального искусства Армении средних веков, например храм Ахтамара 915—921 гг., вполне отвечают значению понятия «династийное искусство» как символикой (о ней см. ниже), так и художественным уровнем.

64 В частности, отметим связанный с династийным культом кушан т. н. «храм Канишки Победителя» и явно меморативного характера «династийную» постройку в Халчаiane, с портретными изображениями членов царской семьи и знати. См.: Г. А. Пугаченкова, *Скульптура Халчаiana*, М., 1971; Б. Я. Ставиский, *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры*, М., 1977, стр. 202. Возвращаясь к проблеме символики сооруженного тысячелетием позднее Ахтамарского храма, можно сослаться на новые исследования о его функциях и символике. Датированный Т. Б. Фратадоки VI в. Зорадир служил, как известно, поминальным родовым храмом царского рода Арцруни. При возведении в X в. Ахтамара было перенято и название (отмечаемое принадлежавшим к тому же роду историком Товмой Арцруни), и плановое решение сооружения, и его символика. На этом основании функции Ахтамара можно считать сводившимися к поминовению и восславлению предков рода Арцруни,— т. е. определить его как мемориал (не в прямом, надгробном, а в символическом значении этого понятия). См.: Т. В. Fratadocchi, *La Chiesa di S. Ejmiacin a Soradir, Roma*, 1971, стр. 88—89; К. Жоливэ, *Княжеская иконография в скульптурах Ахтамара*, «Труды II Международного симпозиума по армянскому искусству», Ереван, 1978. Кроме того, как отметила С. Тер-Нерсисян, символическое значение ряда рельефов на северном и южном фасадах Ахтамара (в частности, Даниила во рву львином, трех отроков в печи огненной и др., часто изображавшихся на плоскостях и основаниях мемориальных стел Армении IV—VII вв.) обусловлено имевшей памятное значение молитвой первых христиан «commendatio animae» — что, по нашему мнению, служит иконографическим обоснованием меморативного значения Ахтамарского храма. См.: Ս. Եր-ն Երևանի, Հոյ արժեքներ արժանապատիվ, Երևան, 1975, стр. 88. Таким образом, смысл понятия, известного как «династийное искусство» Востока, сходен со значением, которое (по современным представлениям) было присуще Ахтамарскому храму, родовому мемориалу династии Арцрунидов.

65 Б. Н. Аракелян, *Очерки...*, стр. 20.

66 Если принять версию о том, что здесь речь идет о надписях (ср. понятие «ардзанагрутион»), все же определяющим фактором является памятник, на котором высечены подобные надписи — т. е. скорее всего сооружение типа стелы или колонны (в последнем случае надпись могла высекаться на кубовидном основании): здесь прослеживаются параллели с надписями на стелах предков царя Коммагена Антиоха (I в. до н. э.). См.: Г. А. Тирацян, *Страна Коммагена и Армения*, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1956, № 3, стр. 70—71.

67 Б. Н. Аракелян, *Очерки...*, табл. 27.

68 С. С. Мнацаканян, *Композиционные параллели в мемориальных памятниках Ирана и Армении*, в сб. «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен», М., 1979, стр. 59.

69 Վ. Բ. Խաչատրյան, Դրսիդրոնի Հայաստանում (Վ. Բ. Խ. II—Վ. Բ. III դդ.), «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1975, № 2, стр. 57.

70 Ж. Д. Хачатрян, *Княжеское погребение в Сиснани*, «Тезисы II Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении», Ереван, 1976, стр. 186; С. С. Мнацаканян, *Композиция двухъярусных мавзолеев в*

армянском раннесредневековом зодчестве, «Историко-филологический журнал», 1976, № 4, стр. 216.

71 Դ. Ա. Տրրաշի, Փրրրրրրրր շռրրրրրրրրրրրրրրր..., стр. 235.

72 В частности, таковы сооружения и памятные знаки Аксума, Дура-Европос, Пальмиры, где нашли отражение различные этапы синтеза древневосточных и античных мемориальных традиций. Надписи башенных мавзолеев Пальмиры позволили выявить ряд сведений о социальном устройстве общества того времени. См.: И. Шифман, Сирийское общество эпохи принципата (I—III вв. н. э.), М., 1977, стр. 66, 69, 80, 110.

73 С. Х. Мнацаканян. Об одном неизвестном типе сооружений древнеармянской архитектуры, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1952, № 7.

74 Н. Я. Марр, Ани, стр. 53. Выяснению первоначального облика и предназначения раскопанного Н. Я. Марром сооружения посвящена наша статья: Сооружение в 4-х колоннах в Ани, «Историко-филологический журнал», 1975, № 4, стр. 234.

75 И. А. Орбели, Избранные труды, стр. 119.

76 I. Mattern, Villes mortes de Haute Syrie, Beyrouth, 1944, стр. 143; M. de Vogüé, Syrie Centrale, Paris, 1865—1877, табл. 93; P. Testini, Archeologia cristiana, Roma, 1958, илл. 7.

77 E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, New York, 1941, стр. 214; Н. Я. Марр. Дневник раскопок, ЛО Архива АН СССР, ф. А-2655, стр. 1362.

78 Г. Н. Чубинашвили, Архитектура Кахетии, Тбилиси, 1959, стр. 208; Ш. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, М., 1963, стр. 91. Черемский балдахин, также мемориальный по своим функциям (есть крипта), аналогичным образом связан с композиционным решением иранских храмов огня.

79 В этой связи небезынтересен генезис балдахинообразных и ротондальных композиций античного мира, имевших мемориальное предназначение. Мнение А. Грабара о первичности балдахинов в развитии типологии мартириев может быть обосновано также генетической связью подобных сооружений с толосами древнего Средиземноморья, одна из функций которых имеет связь с поминальным обрядом. См.: Н. И. Соколовский, Таманский толос и резиденция Хрисалиска, М., 1976, стр. 72.